

А. Е. ЗАРИНЪ

I

ПОДЪ КОРЕНЬ

РОМАНЪ

II

ПРИБОРЪ Д-РА АРЕНСА

РАЗСКАЗЪ

III

Черная дама

РОМАНИЧЕСКАЯ ВЪЛЬ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Издание книжного склада «Родина»

1895

Андрей Зарин

Прибор Д-ра Аренса

Из книги «А. Е. Зарин. Под корень. Прибор Д-ра Аренса.
Черная дама» (С.-Петербург, Издание книжного склада
«Родина», 1895).

*** Без ятей. ***

Андрей Зарин
Прибор Д-ра Аренса

— Здравствуйте!
— Здравствуйте!

— Готово?

— Еще вчера, как обещались!

С этими словами маленький плешивый человечек в длиннополом сером сюртуке торопливо прошел в соседнюю комнату. Высокий брюнет в просторной шинели, в золотых очках на длинном горбатом носу, остался ждать в магазине.

Маленький плешивый человечек был хозяин физико-механической мастерской. Высокий брюнет был знаменитый д-р Аренс.

Зимнее солнце снопами бросало свои холодные, но яркие лучи в магазин, заставленный приборами. Со всех сторон на посетителя уставились телескопы и подзорные трубки, словно через них наблюдали за доктором невидимые существа: огромные стеклянные круги электрических машин отражали на него солнечные лучи; камер-обскуры и стекла волшебных фонарей — устремляли на него свои фокусы; даже стрелки компасов, казалось, указывали не на север, а на знаменито-

го посетителя, а гальванические батареи словно хотели опутать его своими проволоками и излить на него всю свою электрическую силу. Только тяжелые части металлических машин, лежавшие за стеклами, да еще рыжий лохматый человек, ожесточенно чистивший за прилавком медные части какого-то парового котла, не обращали никакого внимания на знаменитого доктора.

А д-р Аренс, несмотря на свои 36 лет, был действительно знаменитостью, и его считали авторитетом по вопросам психологии, хитрой науки, то опирающейся исключительно на опыт, то заводящей позитивный ум ученого в дебри метафизических гипотез. Но д-р Аренс, член всех обществ и съездов по вопросам психологии, психиатрии, гипнотизма, сомнамбулизма и т. под. отраслей великой науки о душе, — твердо стоял на почве научного метода и говорил, что он знает только то, что вычислил, вымерил и исследовал сам, вооруженный приборами, в свою очередь вычисленными и вымеренными...

— Наука требует знания, а не веры, — говорил он, и его знания в этой области ценились

очень высоко.

Знаменитые Шарко, Ришэ, Бернгейм, Ламбозо, Юнг и друг., встречаясь на съездах с доктором Аренсом, называли его не иначе, как «уважаемым собратом».

Да, д-р Аренс был знаменит. Но его имя было известно только в ученом мире, — теперь же оно должно было прогреметь по всему свету. Три года он преследовал одну идею, стремясь осуществить ее и теперь, кажется, достиг своей цели. Заказанный им плешивому человечку прибор должен был окончательно решить дело, — и д-р Аренс, поджидая скрывшегося хозяина мастерской, нетерпеливыми шагами ходил но магазину.

Наконец, маленький, плешивый хозяин вышел из соседней комнаты. Д-р Аренс бросился к нему.

— Вот-с, извольте разглядеть, все как объяснили! — сказал с улыбкой вошедший, отирая красным фуляром вспотевшую голову.

Д-р Аренс взял прибор в руки и с любовью стал его рассматривать. Это был маленький таинственный аппарат, удивительно тонкой конструкции, помещенный в легком алюми-

ниевом часовом футляре.

— Ну, что-же, довольны? — спросил хозяин и замер в ожидании ответа.

Д-р Аренс с нахмуренным, озабоченным лицом вынул из кармана две проволоки, обмотанные зеленым шелком, прикрепил их одним концом к полученной вещи, свободные концы зажал в какую-то, чуть видную в его руке, машинку и опустил прибор в жилетный карман, скрыв под шинелью проволоки. Через минуту его нахмуренное, озабоченное лицо осветилось радостной улыбкой, и глаза сверкнули победой. Хозяин в нетерпении повернулся на своих коротких ножках.

— Что же, доктор, довольны? — спросил он опять, но доктор не ответил ни слова и, устремив глаза в стену, казалось, к чему-то прислушивался.

Рыжий лохматый человек, стоявший за прилавком, бросил свою работу и глядел с недоумением то на хозяина, то на посетителя; в полуотворенную дверь мастерской высунулась чья-то маленькая, остроносая головка и впиалась своими черными глазками в неподвижную фигуру доктора; а д-р Аренс, не об-

ращая внимания на нетерпеливые жесты хозяина, продолжал стоять по-прежнему безмолвно, и лицо его озарялось улыбкой, а глаза светились торжеством.

«И что это за штука?» — думал хозяин. — «К чему она? Мы с Петром Петровичем думали — не додумались... Может, тут капитал лежит, а мы и понять не можем!.. А он молчит!.. Хоть бы слово одно, намек!..»

— Тут не только капитал, — сказал доктор, — тут бессмертие!

Хозяин отпрыгнул в испуге.

— Значит, мы угодили вам? — пролепетал он в смущении и подумал: «Вот умная бестия, ему бы следователем быть!»

Д-р Аренс улыбнулся.

— Да, удалось! — сказал он. — Мы уговорились за 65... вот 75: дайте 10 рублей мастеру за его работу! — и доктор вынул бумажник.

«Эх, ускользнет», — думал хозяин, принимая деньги, — «хоть бы намек только», и он вкрадчиво спросил:

— Это, доктор, у вас проволоки от карманной батареи?

Д-р Аренс опять улыбнулся.

— Да!

— Для чего же это? — робко спросил хозяин и подумал с тоскою: «Не скажет, нет...»

— Понятно, не скажу! — сказал посетитель, запахивая шинель.

Хозяин опять в испуге сделал пируэт: «Господи!.. Да он читает мысли!»

— И совершенно свободно! — со смехом сказал доктор и скрылся за дверью.

Хозяин словно окаменел на одном месте и почти безумными глазами смотрел на дверь, за которою скрылся странный посетитель.

— Хозяин, что с вами? — вышел из мастерской главный мастер, обладатель маленькой головки с черными глазами.

— А?.. что? — рассеянно спросил хозяин.

— Вы прыгали, как мяч. На лице вашем был испуг... Сказал он вам что-нибудь? Открыл секрет? — и обладатель маленькой головки начал сильно трясти хозяина за плечо.

Наконец, последний очнулся, растерянно огляделся по сторонам и вдруг тихо прошептал:

— Петр Петрович, он — чорт!

Тот даже отскочил.

— Кто?

— Доктор этот!

— Бог с вами! Я его в Москве сто раз в заседаниях видел. Это доктор Аренс! — засмеялся Петр Петрович.

— Но он узнал, что я думаю!

— Просто умный человек!..

— Но он отвечал мне, едва я оканчивал свою мысль!..

— Совпадение!..

II

Д-р Аренс, довольный и счастливый, вышел из магазина и бодрым шагом направился к своему дому. Тротуары Морской и Невского пестрела гуляющею публикой. Все вышли подышать свежим морозным воздухом на предобеденную прогулку.

Д-р Аренс, приветливо улыбаясь, раскланивался налево и направо. У него было обширное знакомство. Вдруг глаза его радостно сверкнули и, быстро подавшись влево, он остановил красивого блондина, торопливо шедшего мимо него.

— Сергей Семенович, это вы?.. Давно вер-

нулись? — спросил он, пожимая руку блондина. — Я несколько раз вспоминал о вас! — добавил он.

Красивый блондин поднял на него свои голубые глаза, и на лице его отразилась досада. Он торопливо пожал руку доктора и, видимо, захотел скорее отделаться от неожиданной встречи.

— Приехал вчера только, — поспешно ответил он, — к вам непременно завтра вечером забегу, а теперь некогда... «Чтобы чорт тебя побрал! Вот не вовремя!» — тут же подумал он.

Д-р Аренс поморщился; но ему нужен был этот красивый блондин, единственный его сотрудник по научным исследованиям, только что приехавший из Парижа с конгресса по вопросам гипнотизма.

— Ах, погодите, — сказал он, придерживая блондина за локоть. — Вы ко мне сегодня зайдите, непременно сегодня. Видите ли, у меня открылись совершенно новые факты касательно самой природы гипнотического...

И д-р Аренс начал передавать блондину открытые им явления, а блондин стоял, переми-

наясь с ноги на ногу, и, тоскливо озираясь, думал: «Вот ведь привязался-то, Господи! Словно невесть что, а из-за него опоздать придется!.. У-у, чорт!.. Сперва Гржимайло задержал, прилетел на квартиру; там Анетова встретила, трещать начала, теперь этот идиот... А она ждет, ждет, — и уедет. Еще рассердится, дуться начнет»...

Доктор вдруг оборвал свою речь, недовольно нахмурился.

— Если вы на свиданье спешите, так и заявили бы сразу, — резко сказал он, подавая блондину руку.

Тот в изумлении отшатнулся и, смущенно улыбаясь, пробормотал:

— Действительно... то есть не на свиданье, но тороплюсь... Это вы верно...

Доктора развеселило смущение собеседника.

— Эх, юность, юность! — сказал он уже добродушно и через минуту крикнул удалявшемуся блондину: — так вечером, сегодня!

— Непременно! — ответил, обернувшись, блондин и почти побежал к извозчику.

«Ишь, как торопится!» — улыбнулся док-

тор и тем же гордым, уверенным шагом пошел дальше. Он улыбался дорогою и говорил сам с собою, как бы делая наблюдения над прохожими.

Странны были речи его, тем более странны, что он не был ни писателем, ни рисовальщиком типов, а был ученым, не знавшим людей, три четверти своей жизни проведенным в кабинете!

«Какой важный, посмотришь», — думал он, перегоняя стройного офицера, — «идет в перевалку, сабля звенит, шинель в бобрах, а между тем только и думает: хоть бы 10 рублей достать откуда-нибудь!»

«Забавная парочка... Кажется, воркуют, точно голубки, а в душе клянут друг друга...»

«Бедный городской! Смотрит за порядком, а сам думает, чем бы семью прокормить: ребенок заболел... расходы...»

«Вот, ведь, за мазурика примут все, а он вешаться идет!..»

Доктор поспешно подошел к пожилому мрачному оборванцу, угрюмо переходившему улицу, и заговорил:

— Оставьте! Что вы задумали?! Разве нет у

вас больше надежды, силы...

Оборванец остановился, как вкопанный, и с искаженным от страха лицом едва проговорил:

— А вы... откуда?..

— Я знаю, я следил за вами?

— Зачем?

— Я хочу вам помочь!

И доктор мало-помалу успокоил бедняка, дал три целковых и свой адрес, приказав прийти на следующее утро. Оборванец ожил. В глазах его блеснуло что-то вроде надежды.

Счастливый этой встречей, доктор пошел дальше, но по мере пути его лицо все больше и больше омрачалось. Он все ниже и ниже опускал голову. Мысли его почему-то приняли другое направление. Может быть, на него подействовала встреча с оборванцем, а может быть — оттого, что, свернув с Невского и идя вдоль Лиговки, он не видел уже закутанных в богатые меха, довольных, сытых людей, и ему все чаще встречались легкие пальто, худые платки, стоптанные сапоги, посиневшие от холода лица, испытые и измученные. Может, наконец, на него повлияло и то и другое вме-

сте, — только все грустнее и грустнее становились его мысли.

«Боже, как много горя!» — думал он. — «Мы, веселые и довольные, с беспечной улыбкой идем мимо людей, а в сердцах этих людей угасает надежда; у одного погибла любовь, у другого смерть унесла любимых существ, у третьего нет приюта, нет куска хлеба, ни работы, ни сил, у четвертого...»

И долго бы думал доктор о бедствиях, посылаемых судьбою на долю бедняков, если бы его не остановил молоденький студент. Он поклонился и торопливо заговорил:

— Как я рад, профессор, что встретился с вами. Я поджидал вас в университете, но как-то не успевал застать вас свободным!

При виде юного, свежего лица студента, д-р Аренс опять вернул себе на время утраченное настроение.

— Зачем я вам?

— Я пишу реферат, профессор, о наследственной порочности, и мне бы хотелось воспользоваться вашими указаниями; я хотел просить разрешения побеседовать с вами!

«Любознательный юноша!» — подумал

доктор и пригласил его к себе, назначив день.

— Мало теперь кто работает честно, — заговорил он затем. — Вас как зовут?

— Крюков!

— Да, Крюков, мало кто работает честно. Все хотят достигнуть, не трудясь, — знать, не изучая, — а наука требует жертв, и каких!.. Надо отдаться ей со всем пылом...

Доктор говорил, а студент слушал его с заискивающей улыбкой и думал: «Да, брат, тебе легко распевать. Ты кончил лямку эту, теперь живи только! Уважение, хорошее место, деньги, красивая жена, — чего еще надо? Катайся себе по съездам, да и все тут!..»

Доктор сначала нахмурился, но потом улыбнулся и перебил свою речь.

— Нет не «все тут!» — сказал он с оттенком грусти, — этого мало, коллега! Я приобрел имя, уважение, но их надо беречь, а это еще большая работа, чем приобретать. Правда, я обеспечен, но это еще больше налагает на меня обязательств!

Студент покраснел до самого козырька фуражки.

Чтобы не смущать его больше, доктор лас-

КОВО сказал:

— Так в среду вечерком!.. Мы потолкуем! — и пошел домой.

По дороге он невольно задумался о себе. Да, он бесспорно удачлив. Его товарищи — то чиновники, и то небольшие, то учителя, а он уж ординарный профессор. Его знают, уважают, его слова считают авторитетными. Да и в жизни ему тоже повезло: он со средствами; у него красавица жена и бойкий сынишка уже в третьем классе гимназии... Да, он счастлив, а теперь... с этим великим изобретением его имя станет бессмертным...

Он дошел до дому, приветливо кивнул швейцару, распахнувшему перед ним двери, легко взбежал во второй этаж и нажал пуговку воздушного звонка у двери, на которой сверкала медная дощечка с надписью: «Владимир Платонович Аренс».

III

Дверь отворила бойкая, смазливая горничная и, увидев доктора, сильно смутилась.

Барыня ушла гулять, барина не было дома, к ней пришел ее «кум», — и вдруг... вернулся барин.

«Вот принесла-то нелегкая», — мелькнуло у горничной в голове.

Профессор нахмурился.

— Барыня дома?

— Никак нет-с, ушли гулять!

— А Павел?

— Еще не вернулись!

— Накрывайте на стол!

«Как же!.. так и полетела!.. подождешь!» — сердито подумала горничная, помогая снять шинель.

Доктор нахмурился еще больше.

— Сию секунду накройте! — сказал он сердито, проходя к себе в кабинет.

— У-у, жизнь анафемская! — проворчала, входя в кухню, горничная и злобно хлопнула дверь.

Д-р Аренс вошел к себе в кабинет и стал переодеваться. Прежде всего он вынул только что полученный прибор, распутал проволоки и положил его на письменный стол. Потом, умывшись и надев рабочий сюртук, он сел у стола, взял прибор в руки и глубоко задумался. Прибор сверкал и блестел, отражая солнечные лучи, но еще ярче сверкали глаза за-

думавшегося доктора, и улыбка мелькала на его губах.

Все, я думаю, слышали о наделавшем столько шуму «чтении чужих мыслей». Давно уже эта загадочная способность была известна в классической стране чудес, Индии, но европейские ученые только скептически качали головами, читая рассказы путешественников о подобного рода чудесах, творимых индийскими факирами и браминами. В таком положении оставался этот вопрос до самых последних лет, пока опыты знаменитого Фельдмана и тщательные исследования Шарко, Ришэ, Льебо, Бернгейма, — целой, словом, плеяды блестящих ученых, — не поведали изумленному миру, что чтение мыслей — не шарлатанство и не фокусничество, но действительная способность, присущая многим людям.

Установив факт существования этой таинственной способности, ученые Западной Европы, Франции по преимуществу, построили и гипотезы для рационального ее объяснения. Как известно, из таких гипотез наиболее вероятными представляются две: одна при-

надлежит парижской школе, другая — нансийской. Парижская школа, во главе которой стоит знаменитый Шарко, считает чтение чужих мыслей способностью, исключительно присущей субъектам с патологической чувствительностью, чувствительностью чрезмерно изоощренной, которая позволяет воспринимать впечатления, для людей со здоровой нервной системой решительно недоступные. Иначе смотрит на дело нансийская школа со своими представителями Бернгеймом и Льебо: по их мнению, тут не может быть и речи о чем-либо ненормальном, болезненном, — чтение мыслей есть явление вполне естественное, присущее каждому человеку. Что касается самого процесса чтения мыслей, то, по взгляду нансийской школы, процесс этот сходен с процессом возникновения индуктивного тока. Точно так же, как в наружной спирали Румкорфовой катушки возбуждается наведенный ток, когда по внутренней пробегает электричество, — точно так же и мысленный ток, пробегающий по нервному аппарату одного человека, вызывает соответственный ток в нервной системе другого че-

ловека; стоит последнему уловить этот ток, — и он в состоянии прочесть мысли своего соседа.

Ученик и друг профессора Бернгейма, д-р Аренс всецело разделял его воззрения и, обдумывая теорию своего учителя, напал на остроумную мысль. «Раз чтение мыслей», — рассуждал он, — «основанию на возникновении в нервной системе своего рода индуктивного тока, то очевидно, что весь секрет в этой способности — в том, чтобы возможно отчетливее и тоньше воспринимать колебания этого тока; а для того, чтобы сделать колебания нервного тока более удобными для восприятия, нужно, конечно, усилить их. Но возможно ли такое усиление?.. Отчего же нет?» — рассудил доктор. — «Ведь может же микрофон в десятки, в сотни раз усиливать звуковые вибрации; стоит устроить подобный же мультипликатор для усиления вибраций нервного тока, — и вопрос решен».

Д-р Аренс принялся настойчиво трудиться над осуществлением своей идеи, и его упорный труд принес, наконец, желанные плоды. Он изобрел прибор для чтения мыс-

лей!.. Идя из магазина домой, он всю дорогу наслаждался блестящими результатами своего изобретения. Он в буквальном смысле читал мысли всех встречавшихся с ним, читал легко и ясно, без малейшего усилия. Еще несколько опытов, — и он сделает доклад о своем приборе в московском психологическом обществе, и имя его прогремит по всему миру!..

— Да, мое имя будет бессмертно! — прошептал д-р Аренс, выходя из задумчивости, и медленно стал прохаживаться по кабинету, время от времени повторяя тихо:

— Да, мое имя будет бессмертно!..

Дверь кабинета отворилась, и в комнату вошла m-me Аренс, стройная, томная блондинка. Бархатная шубка плотно охватывала ее талию, волосы слегка выбились из-под шляпки, и полное лицо ее разгорелось от мороза.

Она устало опустилась на диван, сбрасывая шляпку и расстегивая пальто.

— Вольдемар, какая чудная погода! — восторженно сказала она.

Доктор улыбнулся.

— Благодаря этой погоде я очень голоден и велел накрыть на стол! — сказал он и вдруг, вспомнив немую сцену в передней, прибавил: — Я нахожу ее грубой, Софи!

— Кого это?

— Нашу Анну!

— Ах, нет, нет... Она такая услужливая, преданная! — с каким-то умилением воскликнула жена.

Доктор слегка нахмурился.

— Поскорей бы обедать! — сказал он нетерпеливо.

— Сейчас, как только придет Павля!

Доктор посмотрел на часы.

— Пора бы вернуться! Верно, его оставили в классе.

— Ах нет, нет! не говори так!.. Он такой умный, тихий мальчик!

Доктор улыбнулся. Он любил свою красавицу-жену.

— За всех заступаешься! — ласково сказал он. — Ну, иди, распорядись. Я сейчас выйду!

Едва ушла его жена, в кабинет вошел слуга доктора, старый Кузьма, из выслужившихся унтер-офицеров, с седыми усами, жесткие во-

лосы которых торчали вперед, как иглы.

— Тебе что, Кузьма? — спросил доктор.

— Павленька вернулись. Кушать пожалуйста!

— Сейчас!

Доктор вышел в столовую, где к нему подошел стройный хорошенький мальчик лет 14 и поцеловал отца в щеку.

— Здравствуйте, папа!

— Здравствуй! Отчего опоздал?

— У нас гимнастика была.

— Что это все гимнастика?... И вчера и третьего дня.

— Тогда танцы были, а сегодня мы лазали!

Доктор с женою и сыном сели обедать. За столом он оживился и все время весело болтал. Наконец, обед кончился.

— А ты знаешь, — сказал он, вставая из-за стола, жене: — Сергей Семенович вернулся.

М-ме Аренс сделала изумленное лицо.

— Ну-у?

— Да, вчера вечером.

— Когда же он к нам заглянет?

— Хотел сегодня.

— Вот жалость! — воскликнула жена, — а я

хотела в театр!

— Можешь и не ехать!

— Ну, уж нет: сегодня новая опера!

— Как знаешь.

Доктор отправился в кабинет, чтобы, по обычаю, немного отдохнуть.

— Папа! — догнал у дверей его Павел, — я отметки за неделю принес!

— После покажешь, когда встану! — нетерпеливо сказал мальчику отец, закрывая дверь в кабинет и снимая сюртук...

Он спал крепким, здоровым сном часа два, как вдруг в комнате послышался шорох. Доктор проснулся.

— Кто там?

— Я-с!

— Чего тебе, Кузьма?

— Сергей Семенович приехали!

Доктор быстро поднялся.

— Зажги лампы и проси его! Ну, скорее, шевелись!

«Вот и начну свой прибор испытывать... На весь вечер надену», — решил Владимир Платонович, подходя к своему столу и надевая прибор.

— Пожалуйте! — раздался за дверью голос Кузьмы.

— Здравствуйте, дорогой мой! — весело сказал хозяин, протягивая обе руки посетителю, которого он сегодня так неожиданно повстречал на Морской.

IV

В клетчатом, модном пиджаке, в коротких брюках, плотно охватывавших стройные ноги, раздушенный и улыбающийся, вошел Сергей Семенович Поленов и, восторженно отвечая на рукопожатие хозяина, заговорил мягким голосом:

— Здравствуйте, Владимир Платонович! Здравствуйте, мой учитель! Как поживаете? Что нового?.. Я хотел к вам завтра, но вы звали, — и я, как покорный ученик... А это что у вас? Давно купили?..

Сергей Семенович оставил руки доктора и в два шага очутился подле стола, уставленного томами французского энциклопедического словаря. Доктор самодовольно улыбнулся.

— В последнюю поездку, — ответил он. — Необходимая вещь!..

— Роскошь, роскошь! — воскликнул Сергей

Семенович и подумал с завистью: «Рублей триста заплатил!.. Хвастун тоже... Необходимая вещь... Просто для обстановки купил, а сам и не заглянет»...

— Что же нового в Париже? Садитесь и рассказывайте! Были на съезде? — спросил доктор.

Поленов быстро обернулся и с недоумением взглянул на хозяина: его поразило тон доктора, сделавшийся вдруг резким и раздражительным.

«С чего это он взбеленился?» — подумал Сергей Семенович, усаживаясь в кресло. — «Верно, интересуется больно... завистлив!»

— Был, как же, только нового ничего! — ответил он вслух: — Все старые споры между школой Сальнетриера и нансийцами... Виделся с вашими друзьями: Бернгеймом и доктором Льебо...

— Ну, что они рассказывают? — продолжая еще хмуриться, перебил его доктор.

«Чего это он?» — с беспокойством подумал опять Сергей Семенович. — «Уж не узнал ли? Вот будет история!.. Надо приласкать его... Ну, навру в ее пользу!»

Владимир Платонович потемнел, как туча. Он не в силах был усидеть в кресле и начал быстро ходить по комнате.

«Про что я знать не должен?» — волновался он. — «Что еще он врать хочет? Кто это „она“?»

Сергей Семенович между тем заговорил горячо, бойко, с увлечением. Он рассказывал о своих визитах к знаменитым светилам науки, передавал беседы их, и по его словам выходило, что все в Париже не столько заняты наукою, сколько доктором Аренсом, одно имя которого производит сенсацию в аудиториях. Д-р Аренс помнил отлично, что магистр Поленов, его друг и товарищ, для какой-то цели собирался наврать ему, но, — такова уже сила лести, — по мере рассказа гостя, его лицо принимало все более и более веселое выражение, а когда тот кончил, доктор уже ласково сказал:

— Что же еще, дорогой мой?

— Да всего и не вспомнишь сразу! — небрежно махнул рукою Сергей Семенович, думая в то же время: «Вот осел-то! Сразу поверил, и даже лицо умаслилось!.. Ну, слава Бо-

гу, пронесло. А то все злился на что-то... Вот опять... Да что это с ним?.. Ей-ей узнал!..»

Сергей Семенович тревожно двинулся на кресле, увидев внезапно вспыхнувшее гневом лицо своего учителя.

«Боже, что за дрянь!!.. И это друг мой!» — воскликнул в душе доктор.

Сергей Семенович вкрадчиво сказал:

— Теперь, дорогой учитель, я весь в вашем распоряжении. Вы начали говорить мне о природе гипнотического...

Доктор нахмурился. Ему стал противен этот двуличный человек, которого он считал своим искренним другом.

— Не все еще готово у меня. Я потом поговорю с вами, — перебил он его.

«Вот каналья!» — обозлился в душе посетитель, — «совсем зазнался! Сперва — приди, потом — не надо. Словно и невесть, что за гусь!.. Везет, — весь секрет! Дубина дубиной, фамилия немецкая, — ну и ученый!..»

С этими мыслями магистр Поленов встал, и, сделав льстивую улыбку, мягко сказал:

— Ну, так не буду мешать вам! Поспешу откланяться Софье Антоновне и затем домой —

за работу! Если понадобится вам, уважаемый...

Но он не договорил и отпрыгнул к двери, бледный от испуга. Доктор Аренс не выдержал; он вскочил с кресла и неистово закричал:

— Никогда вы мне не понадобится!! Слышите? И жену мою вам видеть не надо! Можете прямо пройти в переднюю и взять свое пальто!.. Кузьма!! — гаркнул он, с лицом, налитым кровью.

«Узнал, все узнал!» — молнией пронеслось в голове напуганного Сергея Семеновича, и он, не дожидаясь появления Кузьмы, выскочил из двери.

— Чего прикажете? — вошел на крик барина Кузьма.

Доктор оглянулся, но посетителя уже не было.

— Пошел вон, дурак! — крикнул он на Кузьму.

Тот медленно повернулся и пошел, думая: «Надо полагать, Сергей Семенович начисто свинью подложил нашему, потому — вон он как!..»

— Стой! — крикнул доктор. — Что ты подумал?

Кузьма смутился.

— Я-с?.. ничего... Ей-Богу... подумал, топить, может, прикажете... печку? — добавил он уже уверенным тоном.

Доктор грозно взглянул на него и молча отошел в глубь кабинета.

«Совсем обалдел», — решил Кузьма, скрываясь за дверью.

Доктор, как голодный зверь в клетке, заметался по кабинету. Мысли вихрем пронеслись в его голове; в груди закипала злоба...

«И это друг, лучший друг?.. На языке — честь, в душе — зависть и подлость, и вдобавок ко всему — какая-то тайна!» — пронеслось в его голове. — «Интересно знать, кто эта „она“? Чего он боялся?.. Умаслить захотел!.. Вот скотина! И это дружба!..»

Дверь слегка приотворилась. Доктор оглянулся и с облегчением вздохнул: он увидел в ней стройную фигурку своего милого мальчугана. Но едва вошел маленький Павля и своими бойкими глазами взглянул на отца, как доктор опять нахмурился и почти простонал

вслух:

— Что же это?!.. О, Господи!!

Павля, тихо двигаясь по кабинету с тетрадкой в руке, радостно думал: — «Обозлился за что-то, не смотря подпишет! Самое удобное время!»

— Чего тебе? — сердито спросил ого доктор.

Мальчик сделал серьезную рожицу и ответил:

— Я, папаша, принес подписать тетрадку. Сегодня нам баллы за неделю проставили!

— Покажи!

Павля подал тетрадку. Доктор внимательно стал рассматривать ее: русский — 3, арифметика — 4, латинский — 4, география — 2!.. Отец улыбнулся. «Это он за географию струсил!» — подумал он и, взяв перо для подписи, спросил:

— Почему по географии 2?

— Я, папаша, плохо Германию выучил; много там! — бойко ответил Павля.

Доктор обмакнул перо. Павля вздохнул: «Ну, пронесло! Пустяки это, а всегда дрожу... Ну, вот опять... И чего это он?»

Павля с тоскою посмотрел на отца, который отложил перо и стал опять внимательно вглядываться в отметки. Павля побледнел. Доктор сурово взглянул на сына и перевернул назад несколько страничек. Павля задрожал и закрыл глаза.

— Это что? — воскликнул в ужасе доктор, — я прошлую неделю не видел этого! Тут 4 было!

Он стал перевертывать страницы назад, и везде, где, раньше подписывая, он видел 4, стояли толстые, огромные единицы.

— А здесь?.. А сегодня? — закричал он, стуча рукою по столу.

— Тоже, — сквозь слезы прошептал мальчуган.

— Арифметика — 1, латинский — 1?

— Да.

Доктор опустил голову и тихо спросил:

— Значит, ты это подделывал, мошенничал?

Павля стоял бледный, испуганный, безмолвно опустив голову.

Владимир Платонович схватился за виски. Еще низость! Его любимый сынишка, его ра-

дось — оказался испорченным мальчишкой, его четверки — единицами! Доктор вскочил и, схватив сына за руку, начал говорить почти со слезами:

— Что ты делаешь?!.. Павля, милый!.. Ты ведь все время мошенничал, подлоги делал... Ведь это уголовное преступление! Понимаешь — уго-лов-ное!.. Что ты сделал, что сделал?! Ведь ты семью позоришь!!! — и доктор с яростью потряс сына за руку.

Испуганный мальчуган заорал, что было мочи, и на его крик в кабинет вбежала перепуганная Софья Антоновна. Она была одета в изящное платье, собираясь ехать в театр. Ее голые руки были по локти затянуты в светлые перчатки.

— Ах, что ты, что ты?! — подбежала она к мужу. — Вольдемар, Бога ради, не бей его! — кричала она с театральным испугом.

Доктор оставил сына и взглянул на жену.

— Я его вовсе не хотел бить, хотя он и стоит этого: он оказался мошенником!

— Ах, нет, нет!.. Не говори так!.. Мой Павля — честный мальчик! — воскликнула с жестом Софья Антоновна, думая про себя: «Да

что это с ним? Сначала Сергея выгнал, теперь на Павлю набросился!»

Доктор вспыхнул. «Что это за фамильярность? Какой Сергей для нее Поленов?» — мелькнуло у него в голове.

— Мошенник! — заорал он, — а ты, ты!..

Жена в ужасе отшатнулась.

«Неужели узнал?» — подумала она.

«Опять тайна!.. И у нее тайна!.. Господи!» — с тоскою подумал доктор.

Софья Антоновна незаметно толкнула Павлю, который, схватив злополучную тетрадку, быстро выскользнул из кабинета. Оставшись наедине с мужем, она вкрадчиво заговорила:

— Вольдемар, что с тобою? Сегодня целый день ты просто сам не свой: Поленова выгнал, Павлю чуть не избил... Что с тобой? — и, смотря пытливо в глаза мужу, она подумала: «Господи, из-за этих глупых историй и в театр опоздаешь! Хоть бы от Сергея узнать, что у них вышло».

Доктор опять нахмурился и, деланно улыбаясь, сказал:

— Ты в театр торопишься, Софи? Поезжай, лучше. Вернешься, — я расскажу...

Софья Антоновна обрадовалась.

— Отлично, милый!.. Я еду, а ты успокойся и выйди в гостиную...

— Кто еще там?

— Дядя Анатолий и Настасья Петровна...

Она, впрочем, сейчас уезжает...

С этими словами Софья Антоновна поцеловала мужа в щеку и легко выпорхнула из кабинета.

V

«Что же это такое?» — с тоскою подумал Владимир Платонович, — «кругом сухие, черствые, подлые, лживые люди. Неужели это правда? Может, мой прибор неверно передает мысли?.. Нет, нет... Поленов оказывается льстивым, завистливым негодяем, Павля — мошенником, жена — пустою, бездушною куклою, думающей о театре в то время, когда я, видимо, страдаю... Скверно, скверно... Уж не снять ли прибор? Но нет, этого не может быть — мой прибор не лжет, и я не сниму его до ночи!»

С этим решением доктор вышел из кабинета и прошел в роскошно меблированную гостиную. Здесь, у диванного стола, освещенно-

го лампою, сидела изящно одетая молодая женщина. Невдалеке от нее, задумчиво куря папиросу, сидел пожилой господин с длинными седыми усами. Увидев входящего хозяина, они приветливо закивали головами. Доктора, подошел к гостям, радушно пожал их руки и сказал:

— Совсем нас забыли, Настасья Петровна, да и вы, Анатолий Тимофеевич, не очень-то нас жалуете!

Настасья Петровна при входе его встала и, застегивая пуговики на перчатке, сказала:

— А вы — нас! Муж и то говорит: — Сходи, Анастаси, посмотри, — живы ли?.. Вам-то не стыдно?

— Вы куда же торопитесь? — спросил доктор, заметив сборы гостьи.

— Ах, домой! Я ведь на минуту только... Софи уехала, я осталась, чтобы только взглянуть на вас, и затем домой... домой! У меня столько дела!

Она протянула руку доктору, потом Анатолию Тимофеевичу, и двинулась к дверям. Владимир Платонович проводил ее.

Настасья Петровна щебетала, грациозно

улыбаясь, и в ее маленькой головке пробежали мысли: «Да, Софи права, с ним что-то странное... усталость какая-то в лице... Муж постоянно острит на его счет, что он не психолог, а психопат... Может, и правда... ведь как кричал-то сегодня! как кричал!.. Побегу рассказывать»...

И гостя с нежной улыбкою протянула доктору руку.

— До свиданья, милый Владимир Платонович! — проговорила она. — Смотрите, нас не забывают!

Кровь прилила к вискам доктора.

«Что за подлые люди вокруг меня!» — подумал он и, едва сдерживая злобу, с болезненной улыбкой на губах, ответил, пожимая протянутую руку:

— Если вы, Настасья Петровна, побежите рассказывать, то не забудьте прибавлять, что «психопат» Аренс умеет проникать в чужие мысли и различать искренних и лживых людей, несмотря на их маски!

Настасья Петровна вспыхнула и бросилась к двери, смущенно бормоча:

— Я не понимаю... Если мы... если вы... Я

не думала... Я скажу теперь мужу...

Владимир Платонович злобно засмеялся и пошел в гостиную. Наталья Петровна долго не могла придти в себя и, только выйдя на улицу, решила, что Аренс «спянул», и что надо предупредить об этом «бедную Софи». Она крикнула извозчика и помчалась в Мариинский театр.

Проводив гостью, доктор утомленно провел но лицу рукою и вошел в гостиную.

«Что еще этот поднесет мне?» — с тоскою подумал он. Анатолий Тимофеевич пытливо взглянул на хозяина и спросил:

— Чего это она там молола?

— Так... болтала, — уныло ответил доктор.

Наступило молчание. Владимир Платонович сидел, тупо смотря перед собою и машинально перебирая бахрому скатерти. Гость с грустью смотрел на него и думал: «Честное слово старого гусара, — Володьке плохо живет... Сегодня совсем сам не свой... Эх, не такую бы ему жену, как племянница!.. Сухой ученый, все в кабинете... Отдохнуть захочет, поболтать с женою, а та — фью!.. уж летает где-нибудь, а за нею хвост длинный поклон-

ников, молодежи... Честное слово старого гусара, — никого подле Володьки: все дрянь — народ... Одинок он, хоть и семью имеет... Беда!..»

Раздумывая так, Анатолий Тимофеевич молча курил папиросу и не пытался прервать молчание. Отставной гусар, в молодости прожигавший жизнь, старый холостяк, установившийся в своих привычках, симпатиях и антипатиях, выдавший виды в своей долгой жизни, полной приключений, — он любил грубую солдатскую правду, не боясь ее высказывать вслух, в какое бы смущение ни привела она то или другое, хотя бы важное по положению, лицо. Как родной дядя Софьи Антоновны, он нередко вызывал своими упреками краску на ее лице и, зная до сокровенных изгибов душу своей племянницы, искренно любил и жалел Владимира Платоновича, которому, по его мнению, рано или поздно придется горько разочароваться в своей молодой красавице-жене...

Доктор Аренс сидел молча, но лицо его мало-помалу делалось светлее, несмотря на грусть, отражавшуюся в его глазах.

— Да, — сказал он вдруг, прерывая молчание, — одинок я, хотя и семью имею! Прав ты, Анатолий Тимофеевич!

Анатолий Тимофеевич вздрогнул и даже выронил папиросу из рук. «Вот умен, бестия!» — подумал он, нагибаясь за папиросою: — «в душе читает!»

— Глупости! — ответил он затем вслух, — это я, брат, иногда так сантименты развожу только! Ну, как одинок, когда друзья есть, ученики, жена, сын?..

Владимир Платонович улыбнулся.

— Сам же решил, что и друзей нет у меня... Вот, хоть бы Поленов... знаешь, я его выгнал сегодня!

— Ну-у!?

— Да, выгнал, — тихо повторил доктор.

— И хорошо сделал, ей Богу, хорошо! Дряннь он, брат!

Анатолий Тимофеевич покраснел, как рак, и заторопился уйти. Он наскоро выпил чаю и под предлогом необходимого дела уехал домой.

Доктор Аренс, оставшись один, пришел в кабинет. «Снять, что ли?» — подумал он про

свой прибор, который теперь давил и мучил его. — «К чему я его придумал? Какая в нем польза? Одни муки и разочарования... Нет, лучше уж без него...»

Доктор хотел его снять, как в комнату вошел Кузьма с охапкою дров.

— Топить хочу, а потом постелю управлю, — заявил он, сваливая дрова и присаживаясь на корточки у печки.

— Топи! — сказал Владимир Платонович и, оставив прибор на себе, сел у стола и взял книгу.

Кузьма открыл трубу и, опять сев на корточки перед печкой, стал разжигать дрова. «Сидит себе, как сыч», — думал он, — «и все с книжкой... Одурь возьмет... Не то, что барыня... Та вона — жжу и полетела... Держись...»

Доктор вздрогнул и положил книгу на колени.

«Привольное житье», продолжал размышлять Кузьма, — «муж все равно, что сова слепая; ну, а она баба не промах... Знает свое дело!.. Что это у него с Поленом вышло, интересно... надо полагать...»

Доктор не выдержал и, вскочив со стула,

бросился к Кузьме.

— Говори, что думал! Говори сейчас, все говори! — закричал он неистово.

Кузьма на мгновение растерялся, но совладал с собою.

— Ничего не думал... Не горят, подлые, отсырели, — указал он на печку, — ну, я и осердился...

— Врешь, негодяй!.. Зачем ты в глаза-то врешь? — затопал вне себя ногами Владимир Платонович и схватил Кузьму за плечо.

Кузьма задрожал от страха.

«Ишь, чорт!» — подумал он, — «словно вынюхал»...

— Говори! — встряхнул его доктор.

— Да я, барин, право...

— Говори!!

«Да уж не помешался ли он, спаси Господи!» — подумал Кузьма с отчаянием. — «Навру ему что-нибудь»...

— Этакая скотина! — воскликнул доктор, выпуская Кузьму. — Вон!.. Вон!! Чтобы духу твоего не было!! Завтра расчет получишь! Вон, сию секунду!!

Кузьма в первый раз увидел своего барина

таким обозленным и в испуге моментально выскочил из комнаты.

VI

Владимир Платонович опять остался один. Ему казалось, что он сходит с ума. В один день он успел узнать столько гадостей, что ему стало страшно жить в такой обстановке. Лучший друг оказался мерзавцем, жена — пустой женщиной, сын — испорченным мальчишкой, слуги — наглыми негодьями, знакомые — льстивыми врагами... Везде кругом только гадость и гадость... Доктор метался по кабинету.

В эту минуту в передней раздался легкий звонок.

«Жена!» — подумал доктор, садясь в кресло.

Софья Антоновна торопливо раздевалась в передней в то время, как Аннушка шептала ей:

— Совсем беда... На Кузьму топали... Настасью Петровну напугали... страх!!

— Знаю, знаю! — взволнованно ответила Софья Антоновна, — мне рассказала Настасья Петровна. Вы, Аннушка, пошлите за дворни-

ком и велите ему с Кузьмою в столовой дожидаться!

— Слушаю-с! — ответила горничная и весело побежала в кухню, а Софья Антоновна с замирающим сердцем отворила дверь в кабинет и с тревогою взглянула на мужа.

Доктор сидел, мрачно задумавшись, с опущенною головою. «Сумасшедший!» — мелькнуло в мыслях Софьи Антоновны.

Не успела она подумать это, как неподвижность Владимира Платоновича сменилась припадком неудержимой ярости.

— Я сумасшедший?! — закричал он, бросаясь на жену с поднятыми кулаками. — Вон отсюда! Вон!!

— Ай! — не своим голосом закричала Софья Антоновна, в испуге отшатнувшись назад. — Кузьма, Андрей!!

В кабинет быстро вбежали Кузьма и дворник.

— Он сошел с ума! — кричала Софья Антоновна, дрожа от страха. — Свяжите его, он убьет меня!

Кузьма с дворником бросились к доктору.

— Прочь!! — неистово крикнул тот, отбе-

гая к столу, и хватая тяжелое пресс-папье. — Прочь! Как вы смеете, мерзавцы?!

— Ай!! — опять закричала Софья Антоновна.

Пресс-папье пролетело над головою дворника и с грохотом покатилося по полу.

— Вяжите его, вяжите! — закричала высунувшаяся из дверей Аннушка.

— Боже мой, он убьет нас! — рыдала Софья Антоновна.

— Бери справа! — орал дворник, бросаясь на доктора с левой стороны.

Кузьма кинулся на хозяина, и через несколько минут доктор, связанный по рукам и ногам длинными полотенцами, неподвижно лежал на своей постели, осыпая проклятиями окружающих.

Но теперь уже никто не обращал на него внимания.

Его жена взволнованным голосом отдавала приказания:

— Вы останьтесь с ним, Кузьма, на всю ночь. Лампу не гасите! А вы, Андрей, завтра рано утром поезжайте за доктором Спрутом... Постарайтесь не спать, Кузьма!..

— Не сомкну глаз, сударыня, будьте покойны!

Скоро все ушли, оставив связанного Владимира Платоновича лежать на постели. Кругом наступила тишина, прерываемая только звоном маятника, да всхрапыванием заснувшего подле своего барина Кузьмы.

Доктор лежал среди этой немой тишины и уныло думал.

Он хотел обессмертить свое имя... он открыл один из величайших секретов природы... и что же? в тот же день он прослыл сумасшедшим... Да немудрено и действительно сойти с ума... Все, чем жил он, вдруг рухнуло... Уважение, почет, любовь, внимание, — где они?.. Их и не было... он только воображал их... Изобрел прибор... действительность рассеяла мечту, и его охватил ужас... Жить страшно... А если у всех будут такие приборы?.. Жалкие люди со своим самомнением! Они не проживут тогда в мире и одной минуты!.. Вместо пользы, своим изобретением он принесет людям непоправимое зло... Боже, сколько зла он мог сделать, непоправимого зла!.. А какие муки!.. Он прожил со своим

прибором несколько часов, и что же?.. Нет, не нужно его, этого прибора. Природа действует сознательно, лишая людей способности проникать в души друг друга... У них грязные души...

— Кузьма!! — вдруг закричал он неистово.

«Господи Боже, опять бесится!» — в испуге встрепенулся Кузьма и вскочил с места.

— Поди сюда! — приказал Владимир Платонович.

Кузьма не решался.

— Да иди же! — рассердился доктор. — Не укушу! — угадал он его мысли.

Кузьма нерешительно приблизился к связанному барину.

— Залезь ко мне в жилетный карман! — приказал Владимир Платонович.

Кузьма осторожно запустил пальцы в его карман.

— Вынь оттуда футляр... вот так... оборви проволоки!.. кинь!.. топчи его, топчи ногами!.. Сильней бей, топчи!!! раз! раз!..

И доктор, и Кузьма пришли в неистовство. Кузьма бил и давил тяжелым каблуком маленький блестящий футляр, а доктор, пыта-

ьясь приподняться на локтях, кричал в истступлении:

— Топчи его!.. Сильней!.. Так! так!..

И среди ночной тишины по всей квартире раздавались его дикий голос и тяжелые удары грубого сапога о паркетный пол...

VII

Ранним утром в кабинет Аренса вошел белокурый немец с непомерно длинными руками и ногами, приделанными к короткому туловищу. Это был доктор Спрут, знаменитый специалист по нервным и душевным болезням.

— А, захворал, коллега! — заговорил он пискливым голосом. — Плохо дело! плохо дело!

— Вели развязать меня! — угрюмо сказал Владимир Платонович.

— Развязать, понятно, развязать! Кузьма, развяжи бари́на! Ха-ха-ха, беситься вздумали!

Спрут подошел к доктору и помог Кузьме развязать его.

— Ну, давай пульс!

Он выслушал пульс, посмотрел глаза пациента, пощупал голову и, поболтав о новостях

дня, сказал:

— Да ты здоров, братец, как я, как все!

— И сам знаю... вчера вздумал...

— Что вчера?

— Вчера... я читал мысли у всех людей!

— Что ты?! Неужели правда? — изумился

Спрут, недоверчиво смотря на Владимира Платоновича.

Но лицо последнего было настолько серьезно, что сомнения доктора исчезли.

— Ну, что же, — проговорил он, — интересно это? А? Ты бы докладец составил об этом... Для нас открылись бы горизонты... а?

Д-р Аренс печально улыбнулся.

— Я сам то же думал, — проговорил он, — но, мой друг, это так ужасно, это так не нужно нам, что лучше не говорить об этом вовсе... Вообрази, что я вот сейчас знаю, что ты думаешь...

Спрут вздрогнул и деланно улыбнулся.

— Вот видишь, вздрогнул ты... А ведь тогда два человека сойтись не могли бы; любви бы не было, правда бы исчезла, доверие, дружба — все, что красит жизнь нашу, — все пропало бы, потому что ведь знание убивает ил-

люзии, а иллюзии эти, ей Богу, нам всего дороже в жизни!..

— Да, пожалуй, ты и прав! — задумчиво сказал Спрут, простился с Владимиром Платоновичем и поехал по визитам...